Насибуллин Р. Т.: «В Космосе, который мы называем Человеком, должно оставаться место для человеческого»

Ровно 12 лет назад, в «Телескопе» №5 за 2005 год, на этих же страницах размещалась мое интервью с Л.Е. Кесельманом (1944-2013) «...Случайно у меня оказался блокнот «в клеточку»...» http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1202893312221433file.pdf. Несколько ранее, но в том же году были проведены и опубликованы в «Телескопе» лишь три беседы с советскими / российскими социологами: с Б.М. Фирсовым (№1), Я.И. Гилинским (№2) и В.А. Ядовым (№№3, 4). Выбор трех этих ученых для интервью в самом начале историко-социологического проекта не вызывал сомнений ни у меня, ни у читателей, они — известные люди в нашем профессиональном цехе, доктора наук и профессора, руководители крупных научных структур, авторы многих книг и т.д. Но я долго раздумывал над тем, предложить ли ответить на вопросы интервью моему многолетнему коллеге и другу Леониду Кесельману. Он не имел научной степени и на тот момент уже около года жил в Германии.

Таким образом, обострился вопрос о критериях отбора респондентов для интервью. У меня не было сомнений в том, что Кесельман — серьезный, в высшей степени граждански обеспокоенный профессионал, и я понимал, что «фильтры» для выбора моих будущих собеседников должны «пропускать» специалистов, подобных Кесельману. И впоследствии я много раз убеждался в правоте моего решения не вводить в критерии наличие степеней и званий, «толстых» монографий и характера должности. Есть лишь одно «мягкое», «неопределенное» требование — известность в кругу профессионалов. Что это означает? Если я сомневался в правомерности обращения к тому или иному потенциальному респонденту, я обращался к моей высокостатусной референтной группе. Но постепенно необходимость в этом «затупилась», по мере работы над проектом улучшалось мое знание социологического корпуса, да и сами респонденты нередко давали мне добрые советы о том, с кем имеет смысл поговорить.

В 2005 году я еще не построил лестницу, или пирамиду, поколений, и разделял социологов на две группы: первое поколение — «старшие» и второе — «младшие». И здесь 61-летний Кесельман относился к младшим. Через два года оформилась концепция поколений российских социологов, согласно которой Ядов относится к поколению I, Гилинский и Фирсов — к поколению II и Кесельман — к поколению III. Таким образом, Леонид Кесельман стал первым социологом III поколения (1935-1946 гг., рождения), с кем я провел историко-биографическое интервью.

За прошедшие годы набралось 32 беседы с социологами этой когорты, и публикуемое ниже интервью с Равилем Талибовичем Насибуллиным — 33-е. Во всех воспоминаниях, как и в рассказе Равиля Насибуллина, обнаруживается то, что, прежде всего, характерно для любых поколенческих образований, — единство среды первичной социализации. Доминанта — Великая Отечественная война и ее многочисленные проявления, пережитые большинством семей страны. Мои собеседники говорят о безотцовщине или об израненных отцах, о преимущественно женском воспитании, о голоде и крайне скудных материальных и жилищных условиях. Многие рассказывали о трагедиях своих дедов и бабушек: Гражданская война, раскулачивание и вынужденное переселение в дальние районы России, события конца 1930-х. Объединяет всех и то, что представители III поколения становились социологами без соответствующего базового образования, но — как правило — в результате реакции на происходившее вокруг них. В школе, в период получения вузовского образования никто не думал о будущих занятиях социологией, более того, многие и не знали о ее существовании. И в этом отношении биография Насибуллина «типична». Хотя при этом даже ранняя социализация каждого — уникальна, индивидуальна. И то, как все происходило у подростка, жившего в татарской деревне, коренным образом отличается от становления юного москвича.

Но изучение индивидуального — сфера микроанализа биографий социологов, тогда как поколенческий подход — разновидность макроисторического исследования российской социологии. Однако уже и макроанализ выявляет интересную особенность творчества Равиля Насибуллина. Обычно в предметных, методологических и методических аспектах исследований представителей младших пластов всех поколений социологов просматривается близость к исследовательской практике старших групп следующего поколения. И это легко объяснимо. Однако подобного не наблюдается в рассказе Равиля Насибуллина, одного из младших в поколении III. Похоже, что для него первостепенным является сохранение традиций развития социологии в Башкирии, заложенных его учителем Нариманом Абдрахмановичем Аитовым (1925-1999), представителем первой когорты советских социологов.

Борис Докторов

— Уважаемый Равиль, из нашей переписки я уже немного представляю Вашу жизнь, Ваш путь в науку, но все же — начнем с самого начала... пожалуйста, расскажите о Ваших родителях, насколько глубоко Вы знаете историю своей семьи?

— Мои корни глубоко в земле, как и у подавляющего большинства моих сверстников в нашей стране. Прародители как со стороны Отца, так и со стороны Мамы жили на селе, занимались крестьянским трудом: если по-современному — были трудоголиками, иначе просто было не выжить. Как, впрочем, и сейчас. Когда пришла коллективизация, стали колхозниками.

Создание колхозов дало возможность власти заставить крестьян в полном объеме работать на государство — все, что производилось коллективным хозяйством практически полностью отдавалось государству; государство же взамен в централизованном порядке обеспечивало колхозы орудиями труда. Сколько себя помню, постоянно в колхозе появлялось что-то новое: в нашей деревне при моем детстве появилось электричество, радио, стационарные агрегаты по обработке зерна, затем колесные трактора, потом уже комбайны и т.д. Это создавало чувство развития сельского хозяйства.

В советское время аграрная политика КПСС стояла на нескольких принципиальных положениях, в том числе и на том, что мелкое домохозяйство постоянно воспроизводит мелкую буржуазию.

Понятно, что в такой ситуации родительское домохозяйство было практически лишено возможности накопить необходимые средства, чтобы создать основу для будущих домохозяйств своих взрослеющих детей. Взрослые члены домохозяйства в основном были озабочены обеспечением собственного выживания и выживания своих детей, поскольку силы, главным образом, были направлены на то, чтобы увеличивать отдачу коллективного хозяйства, на то, чтобы как можно больше производить и отдавать произведенное государству.

Домохозяйствам в этих условиях не оставалось ни интереса, ни средств, чтобы строить для молодых семей. К тому же средств на это в семье практически не накапливалось, поскольку то, что строилось и предоставлялось, как бы бесплатно, на самом деле строилось за счет недоплаченной работникам заработной платы. Параллельно в городах росла нужда развивающейся индустриализации в дешевой рабочей силе, в качестве которой выступала уезжающая из деревни молодежь, лишенная возможности «построить» и вести в своей деревне собственное домохозяйство. Произошло массовое переселение сельского населения в города, за достаточно короткий исторический период. Это я к тому, что все экономически развитые страны прошли через этап переселения сельского населения в города. Король Англии, например, в свое время переполошился перед лицом массового переселения своего населения и издал указ, запрещающий крестьянам покидать свои дома, но это было за сто лет до основания Уфы. А у нас эти процессы произошли за десятилетия: в 1926 году в городах проживало всего 9 процентов населения республики, а через десять лет уже в два раза больше; с 1959 по 1989 год, т.е. за 30 лет село здесь сокращалось со скоростью семь деревень в месяц. Но это не значит, что крестьянские массы, переехав в города, тут же становятся горожанами; с другой стороны, число производителей сельхозпродукций катастрофически сокращается, а число потребителей — растет, породив новые противоречия и проблемы, решению которых государство оказывается не готовым.

Деду уже было 73 года, когда я жил у них, учась в пятом классе. Бабушка была гораздо моложе. Несмотря на то, что с дедом пережила все, что отпущено было судьбой, она прожила 99 лет. Вспоминая ее, я сейчас думаю еще и о Рокфеллере, который, как пишут, во второй половине своей жизни поставил себе цель — дожить до 100 лет, потратив часть своего богатства на создание для этого соответствующих условий. У бабушки не было и доли этих условий, но она пережила миллиардера. Правда, она за это была лишена части общеизвестных удовольствий — не употребляла алкоголь, не курила, не объедалась, ее не мучила зависть; всегда, сколько я себя помню, она была чем-то занята по хозяйству. И Мама моя в точности повторила ее жизнь, только прожила на один год меньше.

Деда вскоре похоронили. Это был последний из прародителей, представителей мужского пола моего «рода-племени», которых я застал живым. С которым худо-бедно успел пообщаться. Я с годами все чаще задумываюсь о том, как много я потерял из социального опыта моих предков, лишившись их. Как много не увидел, не сделал из своего родительского, как много не пережил, не прочувствовал мой отец, который ушел в свои 31 — не смог накопленным жизненным опытом и знаниями поделиться со своими детьми; не смог испытать радость общения со своими внуками. Как много можно понять из особенностей моего народа, у которого образовался такой глубокий провал в социальной памяти от потерянных за последнее столетие поколений.

Я был младшим из трех мальчиков. Как мне сейчас вспоминается — любимым. В семье было не богато. Но мы не голодали. Если уж чего было много, то это — работы в личном подсобном хозяйстве. Всегда. Отношения в семье были мягкие, женские — мы, мальчики, не договариваясь, старались не огорчать маму; за пределами семьи в моем воспитании главную роль сыграла послевоенная суровая и жесткая деревенская реальность. Я не слышал ни одного грубого слова ни в свой адрес, ни в адрес кого-нибудь из нас, находясь дома. Зато за пределами семьи этого «добра» на мою долю выпало вдоволь: до армии — русско-татарского мата в хозяйственном общении с другими односельчанами — почему-то татары матерятся чаще на русском языке; а за три года, пока служил солдатом Советской армии в Польше, я прошел «академию» русского мата. Но это не было злобным матом. В какой-то части он был даже в художественном оформлении. Настолько, что до сих пор раздражаюсь, когда слышу недоразвитый мат всуе.

— Теперь, пожалуйста, о себе. Где Вы родились, как начиналась Ваша жизнь?

— Я родился 24-го декабря 1945-го года в деревне Балан-Чакир Хавастского района Узбекской ССР. Там Отец работал бухгалтером колхоза, Мама занималась домашним хозяйством, детьми. Туда мои родители поехали в 1939 году из деревни Карагай Кандринского района Башкирии, из родной деревни моего отца, и прожили до 1948-го года.

Зачем поехали? Скорее всего, несколько факторов: во-первых, ближе к Ташкенту, где люди в то время жили лучше, чем у нас; во всяком случае в народе жила уверенность, что «Ташкент-город хлебный». Во-вторых, судя по всему, у отца, если он и не был авантюристом, то, видимо, романтического в его характере, как рассказывал мой дядя, было много. Отец с 1916-го года рождения, Мама — с 1918-го года; молодая семья с ребенком на руках «срывается» из родных мест и едет в далекий и неизвестный в то время для них край — Узбекистан. В этом, конечно, что-то есть. Еще и то, как назвал своих сыновей: старшего назвал Торезом — под Мориса Тореза, имя которого в те годы гремело не только во Франции, но и у нас; среднего сына назвал — ни много ни мало — Винером, фамилией основателя кибернетики, а меня — Равелем, фамилией известного французского композитора. Наконец, в-третьих, мы все же, потомки своих предков — народов, живущих на этой территории, которые в историческом плане не так далеко ушли от кочевых племен, один из жизненных принципов которых формировался на понимании того, что если здесь, на этой территории все освоено, значит, нужно переехать туда, где всего, что нужно для жизни — «вдоволь». Это отложилось и живет в культуре народов в самом широком смысле этого слова, в языке, в фольклоре, в песенном творчестве, регулируя наше поведение: «...хорошо там, где нас нет», говорится в русской поговорке; башкиры и татары, например, любят петь народную песню о возлюбленном, который еще при царе-горохе уехал на заработки в шахты Донбасса. Так получилось: мой дед родился в то время, когда, как свидетельствуют историки, на этой территории осели последние из тех, кто кочевал; его сын — мой отец — женился и уехал из своей деревни в Узбекистан, а его сын, то есть, я — уехал из своей деревни в Уфу на учебу и не вернулся. А деревня распалась.

Я любил читать. Читал днем, еще и вечерами, при свете керосиновой лампы Маме, когда удавалось, когда у нее оставались

силы. Ей это очень нравилось. То, что ей нравилось, и было стимулом тому, что и мне нравилось чтение. В школе было несколько шкафов с художественной литературой, в том числе и мировой, и было для меня «делом чести» прочитать как можно больше книг. Откуда мне было знать, что «...многочтение не научает уму...».

Помню, после четвертого класса, летом, лежа на сеновале, прочитал «Приключения Тома Сойера» в переводе на татарский язык. Говорю об этом с оценкой политики того государства в области образования, которое позаботилось, чтобы мальчик, в затерянной в лесах татарской деревни в Башкирии, имел возможность приобщиться к лучшим образцам мировой классической литературы на своем родном языке.

Некоторые говорят, что лучше было бы, если бы я прочитал эту книгу на английском. Ничего не имею против английского. Но я с детства научился говорить и думать на двух языках — на родном татарском и на русском. Почему-то мне кажется, что говорить и думать на двух языках лучше, чем на 1,5 языках.

— Когда у Вас в школе начали формироваться интересы, которые через годы привели Вас в социологию?

— Вряд ли в школьные годы что-либо могло «...формировать у меня интересы, которые потом привели меня в социологическую науку». В начальной школе мой мир был ограничен рамками, с одной стороны, обычной послевоенной сельской семьи, в которой у детей не было отцов, у матерей не было мужей, в хозяйстве не было мужских рук и это чувствовалось буквально во всем и буквально всегда; с другой стороны, мой мир был ограничен моей деревней, где все семьи находились практически на одинаковом уровне бедности; где все взрослое население с утра до вечера работало в колхозе; где предоставленные самим себе дети, их можно было на пальцах сосчитать, познавали окружающую среду всеми доступными, а иногда и запрещенными, т.е. самыми разными способами. Делить было нечего, у всех только природой разделенная до боли схожая судьба детей послевоенных лет.

Первые представления о том, что за этим моим миром есть мир другой, большой, пугающий своей неизвестностью, сложились у меня в образе государства в виде какого-то прожорливого чудища, которое находится далеко за лесом, куда мама вместе с другими женщинами каждое воскресенье рано утром уходила, чтобы его накормить. А оно никак не могло насытиться. Женщины эти тоже все были одинаково похожи друг на друга, как «матрешки», различающиеся только по возрасту. В каждую неделю, по воскресеньям, на коромыслах, на своих плечах, уносили женщины на базар в поселке Кандры, что в десяти километрах от нашей деревни, все, что могли собрать за неделю, чтобы превратить это все в деньги, необходимые... заплатить налоги. Мама наша копила масло из молока нашей коровы и яйца наших кур, экономя в течение недели, и продавала их на базаре. Основную часть вырученных денег откладывала, чтобы потом оплатить налоги, кое-что покупала и для дома. Откладывая, все говорила, что это — государству. Потому такой образ, видимо, и сложился в моем детском воображении. Но и это пока отношения к социологии не имело. Скорее всего это — образ, связанный с персонажем сказки классика татарской литературы Габдуллы Тукая «шурале» (леший, живущий в лесу, которого лихо перехитрил лесоруб-татарин).

Другое наиболее запомнившееся из этих лет — это болезнь и смерть Сталина. Когда около деревни нашли нефть, в одну половину нашего дома пустили пожить «бурмастера» с женой; у них стоял огромный радиоприемник, единственный в деревне, который бурмастер включал вечерами, и с женой слушали они новости. О них жена бурмастера рассказывала и маме, и нам, и всем, кого что интересовало. О том, что Сталин болеет — тоже. А однажды к началу урока в класс пришел наш учитель и после слов: «Дети, нас постигло огромное горе — умер Иосиф Виссарионович Сталин» громко заплакал, он действительно плакал, слезы стекали по его лицу. Заплакали девочки. Мне плакать не хотелось, но было что-то неприятное в этой ситуации. Здесь тоже ничего «социально-политического» в моем поведении не было — просто, мужчины у нас в деревне не плакали. Затем учитель повернулся к нам и сказал, что сегодня мы учиться не сможем, что нам нужно идти домой, сказать об этом родителям, что мы должны собраться с ними в школе на собрание. Мы пошли по домам.

И в старших классах, когда я учился в поселке Кандры, кроме пола и возраста особых отличий между нами практически не было. Разве только по предметным интересам: кто-то жил уроками по точным дисциплинам, кто-то усиленно занимался спортом, художественной самодеятельностью. Где-то высоко на небесах было принято решение, что школа должна формировать в детях определенные «...компетенции, основанные на знаниях и умениях...». Нам было определено готовиться стать механизаторами широкого профиля. Во дворе школы появился трактор «НАТИ», который нам разрешалось разобрать и собрать в любое время; у нас начались соответствующие теоретические и практические занятия. Знания основных принципов работы двигателя внутреннего сгорания, элементов кривошипно-шатунного механизма и т.д. меня выручали с тех пор всегда, когда это нужно было. И в эти годы ни о каких серьезных интересах, связанных «с тропинкой, ведущей к социологии», речь вести, наверняка, нет смысла. У меня в голове, так же, как и у большинства мальчиков, были в основном девочки, книжки и мечта о мотоцикле. Все это в большинстве своем формировались под диктовкой Его Величества Природы, от впечатлений, полученных по рассказам талантливых фантастов, с которыми дышал одним и тем же воздухом, учился в одном и том же классе у одних и тех же учителей.

Мотоцикл почему-то не приходил. А с девочками жизнь поставила очень даже нешуточные драмы: на первом же свидании с настоящим поцелуем все у меня перевернулось и в душе, и в мозгах, а чуть позже и на теле. Я задержался. Был уже поздний вечер, а все хотелось продолжать целоваться. Наконец, когда я пошел «домой» — в интернат, меня догнали пятеро местных ребят. Понимая, что сопротивляться не только бесполезно, но будет «себе дороже», я не стал бить первым, как учит Владимир Владимирович. Но все равно поколотили. Грамотно били — по телу, а не по лицу. Синяки с тела долго уходили, но их никто не видел.

А через некоторое время, когда я уже перешел в 11-й класс, случилась в поселке страшная трагедия — девочку, по-моему, после седьмого класса нашей школы, изнасиловала группа мальчиков. Она на другой день бросилась под поезд. (Этот поселок разделен железной дорогой на две половины.) Группу этих мальчиков в тот же день забрали в милицию, потом был закрытый суд, где каждому из них определили меру наказания в виде длительной изоляции от общества.

Так жизнь вколотила в мои мозги понимание того, что девочки, оказывается, — это не только поцелуи. Получилось так: поскольку с мотоциклом и девочками было не очень, оставалось более доступное — книжки, стихи о своих переживаниях и то, что называется общественной работой.

— Точка, Равиль, я понимал, что вот-вот в Вашем ответе должна появиться тема общественной работы. Я сразу засомневался в Ваших словах о том, что вряд ли в школьные годы что-либо могло формировать у Вас интересы, которые потом привели Вас в социологию. Сначала я обнаружил истоки Вашего движения в социологию в том, что Вы с детства наблюдали жизнь русских и татар — двух разных языковых, религиозных групп, формировались в двух культурах, равно владели двумя языками, затем — Ваше активное чтение, а значит — размышления типа «так же — иначе», сравнения и поиски ответов на многие «почему?». И вот еще один фактор: общественная работа. В те годы, когда в СССР не было социологического образования, многие пришли в со-

циологию в процессе активной комсомольской деятельности. Наверное, Вы были активным пионером, комсомольцем, Вы видели в этом свой гражданский долг?

— Я не мог думать тогда, что это все — «общественная работа» в том смысле, который Вы в эти слова вкладываете; конечно же, не мог думать ни о каком «гражданском долге»; я не наблюдал жизнь, я просто жил; старался выполнить то, что требовалась с меня, чтобы мама не расстраивалась — «вести себя хорошо», считал, что комсомолец должен стремиться делать жизнь людей лучше.

Видимо, прав был А.А. Зиновьев. Наверняка, таких как я можно назвать «гомосоветикус». Но я не считаю это свое поведение показателем «тупости». Разумеется, наверняка была интеллектуальная ограниченность, но это, скорее всего, проявление одной из множества юношеских «недостаточностей» — не мог я блеснуть интеллектом и знаниями ни книжных, ни жизненных истин на его уровне. Семья, деревня, воспитание на примере отношения к простому крестьянскому труду могло помешать стать другим — когда, например, косят траву мужики в одном ряду, нельзя, объективно невозможно сачковать, нужно делать все один к одному так, как делает и тот, кто идет впереди, и тот, кто за тобой: в руках и у того, и у другого— коса.

— И вот, обучение в школе завершается. К каким предметам у Вас лежала душа в старших классах? Куда Вы думали поступать после окончания школы?

— Я был первым из моей деревни, кто поступил в университет. Это случилось в 1963-году после окончания школы. В этой школе в то время занятия по всем дисциплинам велись на русском языке, но еще велись уроки татарского языка и литературы, туда приезжали на педагогическую практику студенты факультета татарской филологии Башкирского государственного университета, их преподаватели. Активное общение с ними, по-видимому, стало еще одним из факторов, формирующих мой выбор будущей профессии филолога. Именно они инициировали то, что в районной газете начали появляться мои стихи, в том числе и в защиту, кого бы вы думали... Патриса Лумумбы. И в данном случае никто не давал мне каких-то заказов, поручений, чтобы написать стихи на какую-то тему. А дальше было ясно моим одноклассникам и некоторым учителям (например, учителю математики), что я буду... «поэтом». Или журналистом, как иногда говорили, «на худой конец». Всем было ясно, кроме меня: душа у меня лежала по большому счету к литературе и истории, но втайне я мечтал стать летчиком.

Однако первый же медосмотр в десятом классе показал, что с моим зрением меня даже в армию могут не взять. Это со мной, с моими мечтами, сыграла злую шутку мое фанатичное увлечение чтением.

— Ясно, мечту о небе пришлось оставить... Куда же Вы поступили и как шло обучение?

— Я стал студентом Башкирского государственного университета. Сказать, что жизнь моя изменилась, будет неверно. Она перевернулась. С одной стороны, у меня не было представления о том, что моими любимыми предметами, особенно литературой, можно так серьезно заниматься. Самым удивительным «открытием» было то, что в общежитии, а в комнате тогда нас проживало шесть человек, все ребята очень много говорят о литературе, много читают... Я и сегодня считаю, что мне очень повезло и с университетом, и со специальностью: возможно, мозги в том возрасте только так и нужно было заполнять — мировой классической литературой. К тому же я занимался своим любимым делом. Может, поэтому и проблем с учебой не было.

Сюрприз принес второй курс, кардинально изменив мою жизнь. Н. С. Хрущева освободили от должности Первого секретаря ЦК КПСС, его политика сокращения вооруженных сил, среди многих сторон его деятельности, была признана ошибочной, было принято решение расширить состав вооруженных сил, в том числе и за счет студентов тех вузов, где военные кафедры неправомерно были закрыты. И меня, так же, как и многих других второкурсников университета, подходящих по состоянию здоровья, призвали в армию. Так я оказался в Польше, где прошел службу в течение трех лет, с 1964-го по 1967-й год.

— В армии Вам не предлагали вступить в партию, не предлагали пойти в высшее военное училище?

— Не только предложили, но и приняли. Только не членом, а кандидатом в члены КПСС, как должно было быть по Уставу. Тоже может показаться «совковостью». Но не могу согласиться с тем, что это было каким-то показателем моей ограниченности, поскольку, как я понимаю, ограниченный человек ограничен собой, заботой о себе. А в данном случае членство в партийность было привязано к защите Родины. Я встал в один ряд со своими сослуживцами. Иное в той конкретной ситуации не приходило в голову.

— Итак, начался новый этап обучения? Какие предметы — скорее всего, у Вас их было немало — Вас наиболее привлекали? Филология ведь весьма многолика...

— Поле расширялось, но время сужалась. А читать приходилось все больше и больше: это и отечественная литература, и зарубежная — в большинстве своем классическая литература европейских стран, немного — США и др. Одним словом, было замечательное время жизни с героями такой литературы... Причем, за это еще и стипендию давали.

С другой стороны, около меня и при мне произошли события, которые, очевидно, не могли не произойти: осенью преподаватель научного коммунизма, на занятиях у которого я показывал активность, отвлекая его разными вопросами, дал мне тему научной работы для участия в конкурсе студенческих работ, сказав: «Вот Ленин начал писать работу «Три типа национальных государств»; два типа описал, а третий не успел — началась революция; нужно внимательно изучить эту работу и в рамках ее исследовательской логики описать третий тип государств...». И я начал читать. Я перерыл кучу литературы и статистического материала... Увлекся так, что и комсомольская работа, а я был заместителем секретаря комитета комсомола университета, и филология с поэзией немножко остались в тени. Но завершить эту работу не удалось «и мне». В этот раз произошла «революция» в жизни моего преподавателя, он женился на своей студентке и уехал в Москву. Конечно, дай Бог им счастливой семейной жизни. Но я остался без научного руководителя. С другой стороны, успел «заразиться» самим процессом, это было у меня первым таким серьезным опытом реальной исследовательской работы.

Тем временем, у нас появился новый секретарь комитета комсомола — выпускник философского факультета МГУ. Говорил красиво, правильно, много. Но очень скоро стало ясно, что он гораздо сильнее любит «другую жизнь», чем комсомольскую, которую мы пытались строить. Когда через много лет комсомольские работники, занимавшие высокие должности, быстро становились легальными миллионерами, я почему-то вспоминал повадки и этого нашего секретаря. Нет худа без добра: он как-то в свою очередную поездку в Москву привез оттуда «Лекции по социологии» Ю. Левады. Не могу сказать, он сам читал эту книгу или нет, но я прочитал. Вот это для меня стало своеобразным интеллектуальным шоком. По большому счету это стало началом моего осознанного интереса к социологии и к аспирантуре по научному коммунизму.

То, что в те годы проявлялось в виде туманных представлений и догадок чего-то нездорового в теле комсомола, спустя много лет сформировалось как важный социологический «закон Равиля», игнорирование которого и привело к катастрофе крупнейшую страну: в социальной системе назначение управленцев исключительно по партийной принадлежности и исключительно «сверху-вниз» приводит к тому, что каждый последующий руководитель оказывается хуже предыдущего.

— Можно сказать, что Вы перечислили все знакомые факторы движения в социологию. Есть — глубинные: жизнь в многокультурной среде, рано проявившаяся любовь к чтению, выбор филологии в качестве будущей профессии. Но есть и непосредственные детерминанты уточнения профессионального пути: общественная работа, т.е. анализ социальных и социально-коммуникативных проблем, интерес к философии и такой мощный импульс, как книга Ю.А. Левады. Что важно, Вы оказались готовы к ее чтению и соответствующим размышлениям. Итак, решили учиться в аспирантуре по научному коммунизму. Как Вы начали реализовывать эту задумку?

— Три зимы, пока жил в деревне Уфимского района, по распределению работая в школе, я занимался самообразованием, готовясь к экзаменам в аспирантуру — читал философские работы, подтягивал немецкий. Никогда ни до, ни после я не читал в длинные зимние ночи в таком количестве серьезную философскую литературу, чем в те годы. И, немножко, по социологии. То, что попадалось. Там уже появилась в моем шкафу книга Шубкина В.Н. «Молодежь и образование», статьи Н.А. Аитова в журнале «Молодой коммунист». Но по поводу поступления в аспирантуру я советовался с Садыковым Фагимом Биниаминовичем, который читал у нас в университете лекции по научному коммунизму. (До этого он работал в Ставропольском университете на одной кафедре с Р. М. Горбачевой, написал монографию о противоречиях социализма и оказался... в Новосибирске, оттуда приехал в Уфу, в Башгосуниверситет.)

Чем больше читал, тем больше у меня появлялось вопросов к Аитову, с которым я так пока и не встретился. Как будто что-то оберегало, скорее всего, меня от него: я еще не был готов к этой встрече. Вот здесь, я считаю, уже можно говорить о том, что я начал ориентироваться в проблемном поле социологической науки.

— Да, и здесь Вы поняли, что «дозрели», что пора встречаться с профессионалами... так? И каким был Ваш следующий шаг?

— Да, так получается: к Аитову меня привели полный багажник того самого жизненного опыта, о котором я говорил выше, где размещался и небольшой сверток социологических знаний, которые не могли дать ответов даже на часть вопросов, появившихся у меня по мере проживания отведенных мне лет. Весной 1974-го года я уже принял окончательное решение, что нужно поступить на работу в его лабораторию социологических исследований, затем поступить в аспирантуру.

— И затем Вы работали с Аитовым все годы до его переезда в Алма-Аты? Пройдя все ступени от инженера лаборатории до доктора наук?

— Можно было бы сказать несколько иначе: я работал не «с» Аитовым, а «около» Аитова «с» другими себе подобными. Это важно подчеркнуть. Сегодня, когда читаю/слушаю воспоминания его лаборантов, инженеров, аспирантов, ставших потом кандидатами/докторами наук, иногда создается впечатление, как будто Аитов работал около них. Это не так. Аитов, как социолог и как организатор работы в науке, был на две головы выше своего окружения, до уровня которого никто из них так и не дошел.

Я пришел в науку, отказавшись от карьеры: от карьеры партийно-комсомольского функционера, от административной карьеры. Выбрал науку. Осознанно. Считая, что «человек — управляющий» есть «человек управляемый». Сталкивался и сталкиваюсь постоянно с теми, кто готов «власть с мухи» пытаться раздуть во «власть в слона». Для карьеры, нужно пресмыкаться.

Чиновник, человек при государственной должности, если нужно что-то написать, «трижды умрет», пока не поймет, что хочет прочитать начальник. Поэтому близкое окружение начальника всегда врет; близкое окружение большого начальника врет по — большому.

Но с Аитовым было не так. Он не был начальником. Он был руководителем научного коллектива в самом полном смысле слова. Обсуждая какую-нибудь работу — его или другого — каждый мог сказать: «нет, это не так», если есть аргументы в ту или другую сторону. Именно у него я получил понимание того, что социолог может и должен (обязан!) написать то, что показывают его исследования, нравится это кому, или нет. Больше того, в этой способности проявляется уровень его профессионализма. Я, во всяком случае, до сих пор живу так. Никто, кроме жены, ни разу мне не сказал, что я что-то написал не так, что нужно написать иначе. В этом чувствую даже драйв. К тому же это возможность быть полезным людям. А еще когда это считается твоей работой, за которую тебе платят деньги — это то состояние, когда можно сказать, что жизнь удалась.

Но и здесь важно чувствовать границу, поскольку, с одной стороны, удовлетворенность достигнутым — это начало конца; с другой стороны, сегодня какие-то вещи меняются так стремительно, с не меньшей скоростью меняя людей, что не успеваешь удивляться. Нынче за ученой степенью может скрываться и реальный «бандит с большой дороги», и настоящий пройдоха, или элементарный шарлатан, который когда-то написал какую-то работу и дали ему эту «ученую степень» или от жалости, или от понимания того, что «нужно» дать, или подчиняясь дисциплине, или в соответствии с квотой, или мало ли по каким соображениям. Во всяком случае, за мою жизнь в науке мне они встречались в большом количестве, гораздо больше, чем порядочных, которых я мог бы, не кривя ничем, назвать человеком науки. Непорядочным я старался противостоять, за что и они мне изрядно попортили кровь. Если мне что-то удалось сделать в моей науке, это потому, что встречал и работал бок о бок с настоящими учеными, каких тоже немало.

— Равиль, я согласен с Вами, но замечу, профессор, наставник аспирантов и докторантов, не только помогает своим подопечным, но многому учится у них, они — молодые и многое видят иначе, острее, чем старшие... Хорошо, и с чего же началась Ваша работа под руководством Н.А. Аитова?

— Первое впечатление получилось прямо по «Американской трагедии» Т. Драйзера: блистательная социологическая лаборатория кафедры научного коммунизма Уфимского авиационного института, которую создал известный не только в нашей стране ученый-социолог профессор Аитов, какой она выглядела со стороны, при первом приближении мне показалась совсем иной.

... Чего-то выдающегося, что соответствовало бы имиджу и славе лаборатории, заметить было трудно. Это потом я нарисовал для себя пирамидальную структуру, внизу которой расположены лаборанты, затем — инженеры, которые выполняют черновую работу — считают; над ними сотрудники, которые анализируют информацию и составляют таблицы, рассчитывая зависимости; «белой костью» выглядит группа, которая владеет математическим аппаратом; еще выше-те, кто пишет тексты отчетов, анализируя эти зависимости; а на самом верху пирамиды находится сам Аитов, с тремя докторами наук, превращая эти материалы в научную продукцию высокого уровня. При этом у всех свои ближайшие и перспективные цели, реализацией которых они заняты, об этом все знают, но никто не рассказывает: у кого нет ученой степени — быстрее и с «малой кровью» защитить кандидатскую диссертацию; кто защитил кандидатскую-двигаться дальше, к докторской.

Первый опыт относительно самостоятельной работы по исследованию проблем управления на производстве я получил в 1975-1976 г. г. в Кармановской ГРЭС, где проф. Н.А. Аитов проводил исследования, необходимые для составления плана социального развития предприятия.

Моя задача была определена как анализ труда инженерно-технических работников (ИТР) в системе управления организацией в рамках темы моей диссертационной работы, посвя-

щенной профессиональной мобильности специалистов с высшим образованием. Проблема в научном и практическом плане заключалась в том, что на предприятиях примерно знали, как оценить труд рабочего — по количеству деталей, изготовленных им за смену, количеством перенесенного груза, в конце — концов. Но большую сложность представляла оценка труда инженера, который работает с чертежами, или выполняет определенные управленческие функции: в данном случае он должен иметь соответствующий уровень квалификации, объем специальных знаний, принимать какие-то управленческие решения, организовать выполнение заданий, контролировать и при необходимости — корректировать ход событий. Я сделал важное для себя «открытие» обнаружив, что чем выше по должности занимаемая позиция инженера в управленческой иерархии, тем больше доля «управленческого» и меньше «специального, профессионального» в его работе. Получалось так: чем выше должность инженера в управленческой иерархии, тем больше времени он тратит на выполнение того, чему его в вузе не учили; и все меньше занят тем, чему его учили пять лет.

Мне иногда кажется, что редко удавалось получать такого удовлетворения от своей работы; именно тогда пришло осознание того, что своими исследованиями мы действительно можем быть полезны руководителям, занятым проблемами практической организации производства.

Это было время, когда очень много говорилось и писалось о необходимости самым серьезным образом относиться к выполнению решений XX1V съезда КПСС по совершенствованию системы управления экономикой, научной организации труда. Это было эпоха, которую затем определили как «застой». Но для меня это было время активного вхождения в науку — в социологические исследования возможностей обеспечения более высокой производительности труда, в проблемы социального развития коллективов предприятий, что составляло основное направление исследований проф. Н.А. Аитова. Поэтому «застоя» я не чувствовал. А смысл социального планирования как раз и заключался в том, чтобы предприятия не ограничивались только экономическими и технико-технологическими проблемами, а заботились бы о создании условий для всестороннего развития рабочей силы. Я искренне верил в то, что проводив социологические исследования, можно выйти на резервы совершенствования системы управления, можно найти неиспользованные ресурсы предприятия, обеспечив, таким образом, повышение производительности труда.

Но здесь есть еще другая сторона проблемы — она касается способности социологии вникнуть в суть социальных явлений, обеспечить общество научной информацией о том, что и как происходит с социальным организмом. Первичная социологическая информация, так же, как и любая другая информация, может быть, а может и не быть пригодным для формирования полезного для практики научного знания. Чтобы эта *возможность стать научным знанием* превратилась в *действительность*, нужны определенные условия, которых должно быть достаточно для этого.

Одно из главных условий сводится к наличию умственных, аналитических действий, совершаемых исследователем. Необходимым условием, очевидно, является наличие определенных способностей исследователя, его умение выходить на уровень внутренних, сущностных свойств социальных явлений и процессов, не зависимо от того, соответствует это его первичным представлениям о предмете исследования, или нет. А это — момент истины, возникающий в процессе работы с понятиями и категориями социологии. Это — теоретическая работа, которая требует наличия способности соотносить изменения, происходящие в первичной социологической информации в процессе работы над ней, с общей траекторией движения от обыденного знания, в составе которого находится и научное знание, к научному знанию, которое в той же мере не может быть абсолютно свободно от ненаучного.

Что касается отношений между научным руководителем и аспирантами и докторантами, Вы совершенно правы в том, что работа с аспирантами — это взаимоотношения наставника с ними: не только научный руководитель обучает аспиранта, но и сам учится чему-то у аспиранта. О себе могу вполне определенно сказать, что постоянно «учусь» у своих, что очень важно — они всегда охотно отзываются, когда я обращаюсь за помощью. Реальнее и чаще всего — это электроника, гаджеты, интернет, где они понимают лучше меня. Когда я пришел на работу в лабораторию, основным инструментом, с помощью которого осуществлялись расчеты, были деревянные бухгалтерские счеты, калькуляторы и пара приспособлений, отдаленно напоминающие электронные счетные машины. За годы моей работы в вузе сменилось пять поколений электронно-вычислительной техники. Хотя я активно пользуюсь компьютером, все равно молодые коллеги более продвинуты и мне частенько приходится к ним обращаться, я нахожусь в процессе постоянной учебы, в том числе и в общении с молодыми. Сложнее с теми, кто, защитившись, оказывается на каких-то должностях в структурах государственной власти, которых я учил работать, например, заставляя несколько раз перерабатывать написанное ими. Не все это понимают так, как надо, а некоторые, оказывается, воспринимают еще и как издевательство и начинают вести себя как котята, которые норовят «нагадить в колошу». Но это уже тема для другого разговора.

— Равиль, мы вернемся к собственно Вашей биографии, а сейчас вопрос о теме, с анализа которой Вы входили в социологию и, думаю, посвятили ей немалую часть своей жизни. Я имею в виду — социальное развитие предприятий, коллективов и регионов (территорий). Это направление разрабатывалось многими университетскими кафедрами и лабораториями, большим числом заводских социологических служб. Безусловно, выводы подобных исследований зачастую были полезны для практики. Но как бы Вы сегодня оценили общие теоретические конструкции и выводы исследований социального развития? В какой мере они полезны в настоящее время?

— Вы правы, я официально «заключил законный брак» с социологией 13-го августа 1974 года и вся остальная часть моей жизни прошла в ней. 14 лет из них я проработал под научным и организационным руководством Н.А. Аитова в Уфимском авиационном институте, который входил в число шести лучших вузов СССР, был награжден Орденом Ленина. Работал и, как у нас говорят, «горя не знал»: участвуй в исследованиях, веди свое научное направление и не зевай. Что касается направления работы: общее направление работы Аитова — социальное планирование как механизм управления социальным развитием.

Должно быть понятно, что «социальное развитие», «социальное планирование как инструмент управления социальным развитием» — это научное направление Н.А. Аитова, а мы — все остальные — и я в том числе — находились в этом направлении со своими темами. Но «большую часть моей жизни» я посвятил проблемам движения населения.

Что касается того, в какой мере полезны были бы в настоящее время исследования проблем социального развития, вопрос очень болезненный. Я и сейчас провожу исследования на предприятиях, два последних года тесно работаю с правительством республики по социально-демографическим проблемам и для меня совершенно очевидно, что социальное планирование, возможно, нужно сейчас гораздо больше, чем в те времена. Вам, конечно, трудно себе представить подлинную глубину маразма, до которого дошли сегодня многие из новоявленных хозяев, которые предприятие видят исключительно в виде инструмента добычи денег, чтобы вывести их быстрее в офшоры и купить замок в Англии или дом в Майами.

Понятно, что была в стране плановая система хозяйствова-

ния с жестким командным управлением, которая, хотя и дала возможность за короткий срок вывести огромное хозяйство на уровень развитых стран, но с точки зрения развития социальной сферы, с точки зрения заботы о самом человеке система нуждалась в серьезной корректировке. Разумеется, в этих условиях социологические исследования проблем развития коллективов предприятий, районов, городов и стремление дополнить экономическое планирование плановым управлением социальным развитием, как создание условий для улучшения социально-трудовой сферы, безусловно, было полезным. С этой точки зрения я считаю массовым помутнением разума отказ от планового управления процессами социального развития, от накопленного в этой области не только нашего, но и опыта, например, западных стран. Мне кажется, что история играет с нами очень «злую шутку»: она превратила «гомо консуменс» — человека, который живет, чтобы есть, в «гомо сапиенса»— в человека, который ест, чтобы жить, ну а затем снова в «гомо консуменса», только на этот раз на таком уровне, что способен съесть самого себя.

— Равиль, все рассказанное Вами, очень меня заинтересовало, в частности, Ваша фраза: «... я пришел к Аитову со своей схемой исследования по теме диссертации». Я это понимаю так, что кафедра была фактически «кузницей» или «фабрикой» диссертаций; это так? То была своего рода версия института докторантуры, существовавшей в АОН про ЦК КПСС. В моем понимании, такой порядок работы не позволял соискателям искать новые темы, откликаться на новые теоретические и методологические веяния, сдерживал его от разумного риска. В центре деятельности оказывалась не исследовательская проблема, не развитие науки, а подготовка диссертации. В тех командах, к которым я принадлежал (математических, психологических, социологических) докторская диссертация была итогом поисков исследователем новых проблем и новых методов их решения, и если он и его референтная группа считали, что нечто подобное вырисовывается, человек начинал писать докторскую диссертацию. Например, именно так двигались к докторским Б.А. Грушин, А.Г. Здравомыслов, Б.М. Фирсов, В.А. Ядов... Первая схема дает поток кандидатских и докторских диссертаций, вторая — такого потока не порождает, но дает возможность выйти на серьезные результаты. Что скажете?

— Могу сказать так: среди «известных социологов» были разные авторы, которые занимались «высокой теорией», некоторые были вынуждены скрывать свою научно-исследовательскую импотенцию, впадая в откровенную апологетику; некоторые уходили в «заоблачные выси», чтобы завуалировать обнаруженное ими несоответствие «реального» с «декларируемым» и т.д. Но одной из принципиальных общих бед для подавляющего большинства было то, что они продолжали оставаться в системе аргументов, доказывающих свои истины, «претендующие на высшую инстанцию», исключительно положениями классиков марксизма-ленинизма, которые жили в другое время, творили на основе исследований, проводимых на другом поле и т.д., что выхолащивало даже самые интересные выводы. Это вовсе не значит, что нужно было отказаться от марксизма. Нужно было использовать эвристический потенциал марксизма и других мыслителей для анализа новых противоречий, которые появлялись по мере развития общественной практики. Кстати говоря, в начале «перестройки» я думал иногда, что от нас, возможно, скрывали и скрывают каких-то выдающихся западных мыслителей исходя из идеологических интересов. Старался не упускать работы западных социологов, издаваемых у нас в переводе на русский, и сейчас с удовольствием читаю. Вы меня, конечно, извините, но кого-то поставить выше Маркса по логике научного мышления, по глубине системного анализа существующих социальных отношений своего времени, того общества, в котором он жил, у меня пока не получается.

Аитов тем и отличался, что не занимался пустым теоретизированием; у него был «острый нюх» на противоречия, существующие в обществе, он их исследовал, и для него аргументами выступали результаты конкретных исследований конкретных явлений и процессов; он помогал своим «ученикам» в выборе тем диссертационных исследований именно в границах реальных социальных противоречий, потому получали реальные результаты научных исследований и их защищали. Почти каждая из этих диссертаций представляет собой глубокий теоретический анализ результатов эмпирических измерений реальных процессов, происходящих в обществе.

Вы задаетесь вопросом, была ли кафедра фактически «фабрикой» диссертаций.

Это не так. Кафедра и лаборатория были единым исследовательским центром реальных социальных проблем, а полученные результаты защищались по существующим правилам и утверждались, то есть, признавалось их научная новизна единственным в то время легитимным (законным, организованным и признаваемым государством) экспертным сообществом — известной вам Высшей аттестационной комиссией СССР. Я выделяю ТО ВРЕМЯ, которое вам известно должно быть: не было необходимости соискателям «искать новые темы», вопрос состоял в том, чтобы качественно выполнять исследования по тем темам, которых было в огромном количестве в границах проблем социального развития. Говоря Вашими словами, «в центре деятельности оказывалась» именно исследовательская проблема, а не «развитие науки», ради развития науки. Разумеется, сказанное вовсе не отрицает марксизм, или необходимость «науки о самой науке».

Я не могу сказать, что и как было в Академии общественных наук при ЦК КПСС, поэтому говорю о том, как работал Аитов. Может быть, не к месту, но для примера: у меня 39 защитившихся, и я работаю почти так же — занят исследованием, поиском путей разрешения реальных социальных проблем, а они — эти проблемы — везде, где есть люди и их взаимодействие.

Не обижайтесь, но мне несколько странно от вас получать интенции о возможностях «откликаться на новые теоретические и методологические веяния». Разумеется, это Ваше право: «с высоты сегодняшнего» возможны разные варианты оценки времени и разные варианты оценки результатов работы Аитова в социологии. Но я говорю о том времени, когда я работал над своими диссертациями под его научным руководством, когда «новыми теоретическими и методологическими веяниями», о которых вы пишете, может быть, не всегда (это я из уважения к памяти ушедших), но, как мне казалось, выступали переводы работ западных социологов, переработанные на советский/российский лад; я говорю еще и о том времени, когда Аитову на заседании бюро обкома КПСС задавали вопрос «какое вы имеете право допрашивать советский народ?».

Кстати говоря, при всем уважении к В.А. Ядову я и сегодня не могу согласиться с его утверждением, что «социальные науки в нашем обществе освободились от оков идеологического и теоретического униформизма» (Ядов В.А., 1995). Во всяком случае, в России философия, которую Бердяев считал «...не наукой и в принципе не должна быть наукой...», преподается во всех вузах и в аспирантуре как обязательная дисциплина, а она у нас в сущности своей остается марксистско-ленинской, возникшей на базе классической немецкой философии. А социология может преподаваться, может и нет, она оставлена на выбор студента.

Вас очень заинтересовала моя фраза: «... я пришел к Аитову со своей схемой исследования по теме диссертации». И Вы эту фразу поняли почему-то так, что кафедра была фактически «фабрикой» диссертаций; что «такой порядок работы не позволял соискателям искать новые темы...». «Это так?»— спрашиваете Вы.

Нет, это не так. Я даже не понимаю, что Вас привело к такому выводу.

Далее. Вы говорите о работе над Вашей докторской диссертацией в тех замечательных командах..., в качестве которых я нисколько не сомневаюсь; но моя докторская не была поиском «новых проблем». Она была полностью направлена на поиск путей решения уже обнаруженных мной проблем, по которым, так же, как и другие коллеги, пришлось много раз выступать на методологических семинарах (не всегда удачно), которые велись Аитовым, и на других научных мероприятиях. Она была защищена в совете Ленинградского университета в июне 1991-го года, где 18 членов совета из 19 сочли, что получены вашим покорным слугой серьезные научные результаты. Правда, один член совета не согласился с этим. По-видимому, счел, что полученные мной результаты в серьезности уступают его результатам. И ВАК, признав научную новизну диссертационной работы, 13-декабря 1991-года присудила мне ученую степень доктора социологических наук, выдала диплом за номером ДТ № 011408.

Но в команде Аитова не было принято «подпрыгивать» от результатов своей работы. Одним из любимых его высказываний о науке, в целом, и о социологии, в частности, было: «...социология, так же, как и любая другая наука, может только то, что может сегодня...». Соответствующая вакцина против самолюбования в моем исследовательском организме уже была: **как бы мы ни старались качественно измерить социальное, погрешность остается; в каких бы замечательных командах ни создавал свой научный продукт, всегда есть куда повысить его качество.**

От обсуждения следующей части Ваших суждений о серьезных результатах докторских диссертаций Б.А. Грушина, А.Г. Здравомыслова, Б.М. Фирсова, В.А. Ядова, с каждым из них, конечно, мало, но общался, с работами которых (не со всеми, конечно, я хорошо знаком; специально не пишу «знаю»), прошу меня освободить. Мы можем вернуться к этому разговору, когда Вы прочтете хотя бы автореферат моей докторской, поскольку многих докторов из Аитовской школы, к сожалению, уже нет в живых и не смогут с Вами полемизировать о серьезности результатов своих исследований. А я смогу за себя постоять. Хотя бы потому, что уверен: стремление «построить всех» в рамках одной какой угодно «единственно правильной» схемы получения «серьезных» научных результатов, нельзя воспринимать всерьез ни практикой, ни теорией познания, ни в социологии, ни в любой другой науке. (Ядов В.А., 1995).

— Равиль, приятно видеть Ваше неравнодушие, конечно, мы обсуждаем очень сложную тему. Я согласен с Вами, действительно, Н.А. Аитов видел свою задачу в подготовке квалифицированных социологов для республики и страны. И делал это с полной отдачей сил. В каталоге Российской национальной библиотеки в СПБ я нашел библиографическую карточку на Вашу кандидатскую диссертацию «Социальные проблемы профессиональной мобильности специалистов с высшим образованием» (Казань, 1980 г.), но не нашел в интернете темы Вашей докторской диссертации и времени ее защиты. Пожалуйста, восполните этот пробел в моих знаниях... В какой мере Ваше докторское исследование продолжало, развивало выводы кандидатской диссертации, на какие новые горизонты Вы вышли?

— Думается, будет полезно внести небольшую ясность в наш разговор в части особенности работы кафедры вуза в науке, в том числе и в социологии. В общем плане это, разумеется, известная «проблема с бородой» (помним Шопенгауэра) — любой ученый-исследователь академического института скажет, что «работа в науке есть работа в науке», кто-то в науке «по любви», а кто-то относится к ней «как к дойной корове». В то же время в вузе жизнь протекает по своим законам и правилам: и при Аитове, и после его отъезда, и сегодня мы стремимся оптимально вписаться своей научной работой в учебно-воспитательный процесс. Функционирование и развитие кафедры как учебно-научного подразделения вуза с неизбежностью предполагает участие преподавателей в научных исследованиях, защиту полученных результатов в виде диссертаций, ознакомление научного сообщества и студентов с полученными результатами через публикации. Понятно, что защите диссертации, особенно докторской, предшествует многолетний интенсивный, тяжёлый труд, который далеко не каждый способен выдержать как умственно, так и физически. В то же время, каким бы способным ни был человек, сегодня одному практически нет возможности осилить организацию и проведение исследований необходимого уровня, особенно в социологии, нужна хотя бы группа людей с соответствующими знаниями и навыками научной деятельности; доктор наук, как правило, ведет аспирантов, консультирует докторантов; иногда всё это способно превратиться в научную школу: **когда, например, разговор заходит о социологии в Башкортостане, говорят об Аитовской школе социологов и это соответствует действительности**. Но «подготовка для республики и страны квалифицированных социологов» — это для него была задачей второго плана. Приоритетной была все же научная работа, исследование социальных процессов и противоречий, а **защита полученных результатов в виде диссертаций, признание научной новизны этих результатов Высшей аттестационной комиссией при Совете Министров СССР, читай — высшим уровнем научной экспертизы в стране — *было одним из условий его жизни и работы* в науке.**

С другой стороны, защиту докторской диссертации можно рассматривать завершением одного и началом другого, качественно нового этапа в жизни человека науки, когда вполне закономерно появляются новые потребности и, соответственно, новые планы в организации научных исследований. Но далеко не всегда желаемое становится доступным. Здесь особо важную роль начинают играть внешние факторы. Имеется в виду способность социума к самопознанию, готовность социальных институтов и организаций осознавать и понимать необходимость исследования происходящих явлений и отслеживания динамики социальных процессов.

Не могу не сказать еще о том, что самым жёстким образом отразилось на нашей работе: развал СССР привёл к разрыву связей между социологическими группами и школами бывших Союзных Республик; люди, прорвавшиеся к политической власти, на длительное время мобилизовали себя на то, чтобы очередной раз «...разрушить до основания...» всё, что попадалось под руки, и им было откровенно не до социологических исследований; подавляющее большинство руководителей предприятий, вдохновлённое приватизацией государственной собственности и занятое набиванием собственных карманов, естественно, в принципе не могло думать о социологии.

В то же время новая эпоха очень скоро засверкала такими своими гранями, понимание которых объективно не могло обойтись без социологических исследований: например, в 1991 г. во время выборов первого Президента России из Москвы меня попросили принять исследовательскую группу Института Гэллапа, помочь им организовать фокус-группу; мне было интересно посмотреть на деле, как работают исследователи известной на весь мир научной организации (тогда не было разговоров о вмешательстве в ход выборов, во внутренние дела, поскольку «дела», в сущности, были, видимо, внутренними и для тех, и для других); начала развиваться система грантов, некоторые руководители предприятий почувствовали, что без научных исследований процессов, происходящих в обществе в целом и в тех коллективах, которыми они руководили, невозможно получить достойных результатов. Мы начали получать заказы на исследования от самых разных предприятий и от государственных учреждений.

Моя кандидатская диссертация, над которой я работал с 1975 по 1979 год, посвящена исследованию социальных проблем профессиональной мобильности специалистов с высшим

образованием. Проблема в том, что государство направляло на подготовку специалистов с высшим образованием большие средства, а многие из них заняты потом не по своей вузовской специальности. Получается, что в обществе, где все построено на плановом распределении, государство не способно обеспечить эффективное использование трудовых и финансовых ресурсов; в экономике, где специалистов готовят в соответствие с всеобщим планом, так же, как и, например, производство гвоздей, затем их распределяют так же, как и гвоздей, и вроде бы «вбивают» туда, куда предусмотрено государственным планом, однако по разным профессиональным группам до 70 процентов выпускников очень скоро меняют свою вузовскую специальность на другую. Мы попытались выявить так называемые причинно-следственные связи, находящиеся в основе этого явления путем анализа большого массива документов на предприятиях и организациях, опроса специалистов в них:

— часть из этих изменений является следствием развития разделения труда;

-часть из них связана с появлением новых специальностей, а новые специальности всегда создаются неспециалистами, т.е. специалистами из других профессиональных групп;

— часть изменений выступают именно по причине попыток государства запланировать, планово управлять всеми явлениями и процессами и т.д.

Работа над этой проблемой привело меня к пониманию того, что исследуемое явление — это важная, но только одна из сторон более сложного процесса— движения и развития совокупной рабочей силы и населения в целом. Так была сформулирована тема докторской диссертации — «Движение населения как социальный процесс». Диссертационная работа фактически является обобщенным результатом исследований, проведенных в течение 15 лет социологической лабораторией при непосредственном участии автора.

Не было недостатка в литературе, которая посвящалась исследованию проблем различных видов движения населения. Однако в этих работах движение населения и различные формы его проявления рассматривались через призму отдельных форм его проявления, при этом процессы миграции исследовались преимущественно экономгеографами, естественное движение — демографами, социальные перемещения — социологами, трудовая мобильность — экономистами. А общим для всех, за редким исключением, является методологическая ограниченность, связанная, в том числе, и с тем, что анализ строится на априорном противопоставлении исследуемых явлений в нашей, якобы, социалистической, стране, аналогичным явлениям, протекающим в, якобы, капиталистических, странах и прежде всего с точки зрения того, что при социализме эти явления выступают только с положительным знаком, заранее «обречены» только на то, чтобы расти и двигаться вперед. Сложившиеся традиции в исследовании движения населения не только не могли вывести к значительным научным результатам, но и, по-видимому, легли в основу формирования представления о том, что население можно рассматривать исключительно в качестве источника рабочей силы и объекта управления со стороны государства. Исследование движения населения как социального процесса позволило обосновать вывод о том, что население само одновременно выступает в качестве и объекта и субъекта управления его развитием. Существующая система управления, функционирующая по схеме «сверху-вниз», должна быть дополнена с учетом разнодействующих сил, направленных «снизу-вверх», системой, построенной на использовании внутренне присущих движению населения законов и механизмов самодвижения и саморазвития, на формировании активного отношения населения к самому себе; представление о том, что партия и государство могут управлять в обществе «всем и вся» должно быть заменено пониманием того, что что-то в социальных процессах и явлениях поддается управлению, что-то поддается управленческому воздействию лишь частично, а какие-то явления можно направлять в нужную сторону лишь путем создания необходимых условий. Кроме того, в основе существующей системы управления движением и развитием населения заложены противоречия между отраслевым характером этой системы и территориальным характером социально-демографического воспроизводства.

— Да, в такой интерпретации категории «движение населения» может дать многое для понимания обозначенного Вами «букета» социальных процессов. Вы защищали докторскую диссертацию на Совете факультета социологии Петербургского университета, одного из классических центров российской социологии, в 1991 году в период «Белых ночей». Конечно, очень памятно... однако, Равиль, с тех пор прошло более четверти века. Не могли бы Вы сказать, какие из рассмотренных Вами трендов наблюдаются и сегодня, что пошло совсем не так, как думалось... Это очень интересно.

— Для начала хочу уточнить: я защищал докторскую не «на Совете факультета социологии Петербургского университета», а на Совете по защите докторских диссертаций по социологическим наукам при Ленинградском государственном университете, в составе которого были специалисты из других вузов города. Разницу вижу, потому и уточняю.

Согласен с Вами — попытаться определить то, «что пошло так, а что не так» — это завораживающе интересно, однако настолько же и сложно. Может, и самая объемная, масштабная задача, которую вряд ли можно решить в интервью, не впадая в схематичность, вместо системности, в поверхностность, вместо глубокого и глубинного в анализе. Очевидно же, нужно, чтобы и время прошло — четверть века для таких выводов совсем не срок; нужны специальные исследования, нужны ресурсы... Ни того, ни другого у нас с Вами нет, а ответственность неизмерима. Помните, один российский, умный не по годам, исследователь, проанализировал развитие капитализма в России незадолго до революции 1917-го года. Хорошо проанализировал. И то ошибся. Пришел к неверным выводам. Осознав это, тяжело заболел. А страна, совершив очередной кульбит, надолго закопала замечательную мечту человека. Оно нам надо?

Читал как то, что однажды король Пруссии подарил нашему царю-батюшке янтарную комнату, который в ответ — полсотни своих гренадеров: людей вместо камушек... Как много изменилось за эти столетия? Завораживает, конечно. Фундаментальный для России «тренд», который, хотелось бы, чтобы «пошло так» — это изменение отношения человека к самому себе: разумеется, «человек в обществе»; разумеется, «общество в человеке», но ведь, что-то подобное можно сказать и в отношении других видов животного. Однако в Космосе, который мы называем Человеком, должно оставаться место и для человеческого.

— Понимаю Вас, Равиль. И все же, будет у Вас возможность, попробуйте обратиться к академику Г.В. Осипову, под его руководством уже много лет проводится мониторинг жизни российского общества. Много материалов на эту тему и во ВЦИОМе.

— Академик Осипов Г.В. со своими коллегами не только ведут эту замечательную «Летопись реформирования России», но и создали не менее замечательные возможности, чтобы уважающий себя социолог читал эти публикации без особого обращения к академику (а я отношу себя к этой категории социологов). В моей библиотеке есть и другие его работы, в т.ч. и подаренные им, слава богам. Выше, когда я говорил о первых книгах по социологии, которые я читал, когда был студентом и учителем сельской школы (Левада, Шубкин, Аитов), я имел в виду те книги, которые «попадали» ко мне по воле случая. А Г.В. Осипова и многое, что издавалось в Москве, в Ленинграде, в других городах мы в лаборатории читали уже по рекомендации Н.А. Аитова для обеспечения своего профессионального уровня в социологии и обсуждали на проводимых им методо-

логических семинарах. Кроме того, жизнь заставляет быть в курсе того, что делается и издается в стране. Реже — в других странах. Это я к тому, если интервью создает впечатление, что я читаю только то, что написано мной.

Как говорится, «лицом к лицу лица не увидать». Работа академика Осипова Г.В. и ИСПИ РАН еще не получила должной достойной оценки. Остается опять верить, что время все расставит по полочкам, и будущие поколения будут читать «Летопись...», удивляться (по нашей традиции) и задаваться вопросом: «как же так, были коллективы таких ученых, проводились такие исследования, писались и издавались такие работы, а страну мучительно трясло...».

— Тем не менее, наверное, какие-либо наблюдения, рассуждения по поводу трендов, изменений в жизни российского общества, населения, человека у вас есть. Пожалуйста, поделитесь...

— Есть, разумеется. Но это как глубокая открытая рана на моем теле, которая продолжает кровоточить и при любом касании вызывает почти непреодолимую боль. Эта боль не даст объективно описать ни себя, ни то, что ее породило.

С одной стороны, продолжать жить той жизнью, которую я на примере собственной биографии описал выше, конечно, было нельзя. Понятно, что нужны были реформы.

С другой стороны, случилось то, что и должно было случиться: **в социальной системе результаты управленческих решений никогда не совпадают с целями; причем, чем выше в социальной иерархии зона принятия решений, тем шире зона отклонений как в социальном пространстве, так и в социальном времени.** Многочисленные подтверждения тому мы увидели воочию «вчера», что-то переживаем «сегодня», но о том, с какими последствиями столкнутся следующие поколения «завтра», об этом может только рассуждать человек с очень умным видом всезнающего (к коим я себя не отношу). Можно только с огромным удовлетворением констатировать то, что до сих пор удается избежать открытой братоубийственной гражданской войны, наподобие той, что было пережито после революции 17-го года прошлого века в России по результатам управленческих решений, принятых в головах людей с самими добрыми намерениями.

Что касается того, есть ли у меня *«какие-либо наблюдения, рассуждения по поводу трендов, изменений в жизни российского общества, населения, человека»*?

Разумеется, есть. При этом хорошо бы договориться, что в данном случае это не результаты моих конкретных исследований, а именно «рассуждения» на основе «наблюдений» реальной жизни. А надо бы, чтобы системно, глубоко проанализировать:

а) то, что уже изменилось;

б) то, что меняется очень медленно, в ущерб развитию;

в) то, что меняется в «плохую» сторону для развития системы в целом, если даже «плохое» для одних может показаться «хорошим» для других;

г) о том, что практически не изменилось и в ближайшее время не изменится.

Здесь же получается все «четыре в одном» в ущерб качеству и глубине анализа, но попробуем на примерах.

Наблюдение первое: не часто, но бывало, что останавливали на улице и говорили, что я в каком-то интервью о чем-то «здорово сказал». Хотя и не уверен, что социолог должен о чем угодно так «здорово сказать» публично. Лично я пытаюсь говорить о результатах своих исследований. И то... Считаю, что в эфире, что в аудитории, что в интервью в печати, если даже говоришь о результатах своих исследований, надо иметь свой внутренний контроль. Нужно знать и помнить, что:

— во-первых, если ты говоришь даже об очень важных вещах, далеко не факт, что тебя слушают;

— во-вторых, не факт, что доходит до зрителя то, о чем ты говоришь, именно так, как ты хотел;

в-третьих, не факт, что все, кто слушают и понимают, хотели бы тебя видеть и слушать;

в-четвертых, тебя слушают не только те, для кого ты говоришь; может случиться, что и совсем не те, кто готов «открыться» только по тому, что ты хотел бы до него «достучаться».

Наблюдение второе: несколько лет назад правительство республики заказало мне исследование проблем молодежи. В выборку попал крупный магазин в г. Стерлитамак, где работает много молодежи. Приехали мы туда с опросом, а моих сотрудников не пускают в магазин, говорят, что частная собственность, без разрешения хозяина не можем пустить. Хорошо, говорю, пропустите меня к хозяину, я попрошу разрешения, вот мои документы, вот договор... поскольку у меня заказ правительства, я не могу его не выполнить. Мне говорят, не можем, хозяин живет в Москве.

Вы, наверняка, помните, в советское время были серьезные проблемы с заполняемостью магазинов товарами первой необходимости. В последние годы СМИ писали, что в магазинах «...только Милка в халате, да банки в томате...». Здесь многое изменилось: сегодня тех проблем практически нет. Но появились другие — население и его рабочая сила здесь товарами практически обеспечены, но денег на их приобретение нет, они у хозяев, а те — в Москве... Мне говорят, что хозяева платят налоги. Да, возможно, и платят; однако платят налоги по месту прописки; эксплуатируют рабочую силу, на воспроизводство которой не потратили ни копейки...

Но, чтобы меня с исследованиями по заказу правительства в советское время не пустили в магазин — такого не могло быть в принципе.

Наблюдение третье: если перефразировать наших сатириков, можно сказать: в годы перестройки нас упорно убеждали, что если КПСС и социализм уйдут, придет счастье; КПСС с социализмом ушли, но счастье не пришло... В годы «перестройки» у нас на кафедре шли нешуточные баталии: мы жарко спорили вокруг постулата «либеральных реформаторов» о том, что все беды от отношения собственности — общественная собственность порождает бесхозность, а отсюда — воровство, приписки, низкая производительность и т.д. Да, много было воровства на «микроуровне»: кто где работал, там и старался что-то с собой утащить домой — в карманах, за пазухой, на руках. Здесь тоже многое изменилось, например, воровство перешло на «макроуровень»: то губернаторы проворовались, то офицер МВД, а недавно осудили бывшего теперь уже руководителя Федеральной службы исполнения наказания, т.е. с институциями, которые должны навести порядок внутри страны возникла ситуация, когда «вор на воре сидит...»; еще большие трагические изменения произошли в институциях, которые должны обеспечить охрану страны от внешних опасностей: выделили огромные средства генералу с поручением укрепить границы государства, а его с этими средствами поймали за границами Отечества... Писали, что создают новую финансовую систему, оказалось, новизна заключается в том, что банкиры с нашими деньгами могут обустраивать только свою безбедную жизнь исключительно там, где ни Отечеством, ни дымом Отечества и не пахнет.

Наблюдение четвертое: после защиты докторской диссертации, почувствовав себя полноценным социологом, способным принести пользу своему многострадальному населению, я добился приема у второго во властной иерархии человека в республике. Успел только сказать о социальных проблемах, о том, что «я — доктор социологии...», он меня остановил: «...извините, Равиль Талибович, мы социализм уже не строим...». Сегодня здесь в понимании проблем общества многое изменилось, цитируют Тощенко Ж.Т., много говорят о социальном, и делают немало, в том числе и над созданием привлекательного инвестиционного климата в стране. Но система управления осталась. Во многом еще и потому, что сильны в сознании населения этатические ожидания, которые еще с незапамятных времен. Помним и нескоро забудем: «придет барин, и рассудит».

Наблюдение следующее: «в мою последнюю поездку в Штаты» (это было аж в 90-е годы) на одной из встреч мне задали вопрос: «Тут в СМИ пишут, что у вас там задерживают месяцами зарплату, это правда? Если бы здесь было такое, Белый Дом разобрали бы по кирпичикам...». Мне пришлось признать, что «...у нас годами и веками не платили зарплату: не платили ее в условиях крепостного права, не платили ее в колхозе... Поэтому в свое время не только свой Белый Дом, но и всю власть разобрали по кирпичикам...Но теперь вот опять... случаются задержки... Значит, «разбор Белого Дома по кирпичикам» не решает проблему...» Беда в том, что и сегодня у нас многие работающие люди продолжает оставаться в состоянии бедности. И эта ситуация меняется крайне медленно, она не способствует развитию. Разумеется, это не может не раздражать людей.

Почему такие мелко-бытовые проблемы в таком серьезном разговоре двух серьезных социологов, может задаваться вопросом кто-то? Отвечаю, во-первых, примерно то же самое и с самыми крупными предприятиями, например, «Башнефть»; во-вторых, в социальной системе «шурале» прячется не в Большом адронном коллайдере, а в мелко-бытовых проблемах. Именно с таких «мелко-бытовых» проблем начались у нас, на 1\6-й части Земли изменения в 80-е — 90-е годы, которых сегодня называют «лихими». Именно в те годы появился анекдот, который однажды рассказал первый и последний Президент СССР М.С. Горбачев: «В Москве недалеко от Кремля огромная очередь у магазина за водкой. Один мужик настолько устал толкаться в очереди, что ушел со словами: «Пойду, убью этого Горбачева». И очень быстро вернулся. Его удивленно спрашивают: «Что так быстро?» Он говорит: «А там очередь еще больше».

По моим наблюдениям, недовольных той жизнью в «мелкоптовой части» в те годы было гораздо больше, чем этой жизнью сегодня здесь. Поэтому и таких анекдотов про В.В. Путина нет; если завтра состоятся выборы президента России и если он будет баллотироваться, ему альтернативы, во всяком случае, в нашей Республике Башкортостан, не будет. По сравнению с предшественниками он выглядит гораздо более убедительным, во-первых, тем, что стал за эти годы еще более опытным государственным человеком и, если даже только пообещает навести порядок в проблемах, названных мной, за которыми наблюдаю не только я, получит поддержку подавляющего большинства избирателей; во-вторых, он не замечен в развязном, осуждаемом нашим населением, состоянии: не будет дирижировать военным оркестром того, кому «сдает» позиции страны; в-третьих, в населении еще большинство составляют люди, которые жили во времена повального дефицита товаров первой жизненной необходимости, затем в период непродуманных реформ и, несмотря на то, что многие говорят об упущениях в управлении страной, эта часть населения видит и чувствует, что наряду с большими потерями есть и положительные изменения в жизнеобеспечении людей. Можно было бы и продолжить. Но сказанного, по-моему, вполне достаточно чтобы представить себе понимание интервьюируемым того, что и как происходит в стране. Читателю интервью ведь, насколько я понимаю, это нужно. А более полное представление о происходящем в стране и в мире он может получить в трудах социологических коллективов РАН: ИСПИ, ИС, ИСЭПН и др.

— Равиль, выше Вы сказали: «...я официально «заключил законный брак» с социологией 13-го августа 1974», значит, более полувека назад. Срок немалый. Давайте поговорим о науке, который Вы посвятили годы жизни, а проще — всю жизнь. Были ли прошедшие годы временем постоянного, пусть, не очень заметного, быстрого развития советской / российской социологии или Вы наблюдаете как позитивные тренды, так и негативные?

— Да, умеете Вы задавать вопросы...

С одной стороны, очень интересный вопрос. И сложный. Настолько, что ответ на него должны искать исследовательские институты, по итогам работы тома должны быть написаны. И надо бы что-то подобное сделать. Мне кажется, что мы, вынужденные сегодня полностью отдаваться повседневности, упускаем что-то очень уж важное для науки в целом, и для социологии в частности.

С другой стороны, очень много, о чем хочется сказать, но если бы Вы не спросили, я бы не брался за это — ведь «заключение законного брака», как мне подсказывает опыт, совсем не говорит о том, что мы понимаем все нюансы брака.

Я застал период развития социологии в СССР, когда продолжался процесс институционализации социологии в стране, когда Москва определялась как центр отечественной социологии, создавая совершенно неестественную ситуацию для науки. Социология в СССР в тот период еще была «многополярной» в территориальном плане, оставаясь «однополярной» с точки зрения методологии.

В то время социологи примерно так же, как в Москве, могли собираться и в Свердловске, и в Уфе, и в Таллине и в Красноярске... И разговор шел о развитии отечественной социологии. Да, появлялись институты, работали люди, выходили монографии и научные статьи в больших количествах... Если считать результат в количестве опрошенных людей и в листаже изданной продукции, рост очевиден.

Однако то, что социологию попытались превратить в «партийную» науку с центром в Москве, в способную противостоять такой же партийной науке с центром на Западе, она не стала ни московской, ни западной, ни социалистической, ни капиталистической. Так же, как алгебра, от того, что ее создали когда-то арабы, не стала и не может стать арабской. То, что интеллектуальный и эвристический потенциал социологической науки в, так называемых, капиталистических странах, тратился на низвержение идеи социальной справедливости в социальной системе, а в, так называемых, социалистических странах, на то, чтобы отстаивать эти идеи за счет поиска нужных аргументов из партийных документов, ни на йоту не приблизила общественную мысль к ответу на вопрос о том, для чего Природа наделила одну свою часть разумом, и как должна быть организована социальная система, чтобы эта часть природы получила бы развитие, соответствующее высокому назначению Человека.

Социология, как и любая другая наука, может развиваться только как планетарная, или социологи, как приматы, так и будут копаться в своих покровах, считая наукой все, что там поймают.